

Алексей Будищев

Семибоярские

Алексей Николаевич Будищев

Семибоярские

Аннотация

«Было заволочно и холодно.

За амбарами, где была одна на другую нагромождены ломанные телеги и сани, высоко на перевернутых вверх дном санях сидел Гурочка в каракулевой папахе с коричневым верхом и из карабина Монтекристо стрелял выбегавших из под амбара крыс. Прикладывая карабин к плечу, он каждый раз старался попасть крысе в шею позади уха...»

Содержание

I	4
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алексей Будищев

Семибоярские

I

Было заволочно и холодно.

За амбарами, где была одна на другую нагромождены ломанные телеги и сани, высоко на перевернутых вверх дном санях сидел Гурочка в каракулевой папахе с коричневым верхом и из карабина Монтекристо стрелял выбегавших из под амбара крыс. Прикладывая карабин к плечу, он каждый раз старался попасть крысе в шею позади уха.

Пристреленная таким образом, крыса высоко подпрыгивала, судорожно перевертывалась в этом скачке, пронзительно взвизгивала и затем распластывалась вверх белым животом, суча тонкими длиннолапыми ножками и чешуйчатым хвостом. И это все очень забавляло Гурочку. После такого удачного выстрела он начинал как-то беззвучно хохотать сотрясая узенькими плечами и широким, выдававшимся из под драповой затрапезной куртки животом. И от этого хохота в углах его припухлых губ пузырями вздувались слюни. Если же выстрел был неудачен, и крыса, пораженная в голову, умирала мгновенно, без визга и судорог, губы Гурочки как-то отвисали, и его лицо принимало обычное кис-

ло-брезгливое выражение точно он страдал нудным застарелым недугом.

После пятого удачного выстрела стрелять ему всё-таки надоело, и, опустив курок, он положил карабин на колени и задумался. Что бы еще ему поделать на сегодня? Внезапно ему пришло в голову, что крыс наверно можно ловить и на удочку, как рыбу, стоит только насадить на крючок кусочек сала. Он представил тотчас же в своем воображении, как крючок проколет губу крысы, и та завизжит, а он закружит удилищем, мотая животное высоко над своей головой, а потом затравит кошками.

Он беззвучно рассмеялся, отплюнул слюну и полез с саней наземь. И тут же в просвет между двумя избами, людской и скотной, увидел крупную, красивую фигуру отца. Семибоярский стоял на крыльце дома в коричневой ватной поддевке, высокий и широкий. Его окладистая, наполовину седая борода была неряшливо взбита. Но все же он казался красивым, даже очень красивым, и Гурочка с завистью подумал:

– Вот у него есть Аннушка, белотелая, теплая и красивая, а у меня нет никого!

В послеобеденные часы и ночью перед сном он любил думать о женщинах.

Семена ножками, как игривые старички, подходящие к красивым дамам, Гурочка подошел к отцу и сказал;

– Папа, позволь мне взять – Красавчика?

– Зачем? – лениво спросил отец и зевнул.

Ежедневно за обедом он выпивал шесть-семь рюмок водки и стаканчик вишневой наливки и поэтому даже после двухчасового сна всегда казался сонным и вялым.

– Я к Гуськовым на мельницу поеду, – сказал Гурочка.

Семибоярский снова широко зевнул.

– Опять ты там будешь, Гурочка, в карты играть и опять конечно проиграешь, – с мягкой укоризной выговорил отец, – а у меня, ей Богу же денег нет.

Лицо Гурочки стало совсем кислым, его губы отвисли, и видимо, чтоб утешить его, отец добавил:

– Вот погоди, продам я через недельку рожь...

Гурочка плаксиво захныкал:

– Все у тебя денег нет, никогда у тебя денег нет! Точно нищие мы какие-нибудь!

После того, как его первенца Валерьяна сослали в Сибирь, Семибоярский еще более полюбил оставшегося у него единственным сына Гурия, и отцу было тяжело отказать в чем-нибудь Гурочке. Наморщив брови, он сказал:

– Ну, хорошо. Ты к Гуськовым завтра поедешь. Завтра я вышлю на базар два воза пшена. Хорошо?

Кислое с отвислыми губами лицо Гурочки чуть просветлело. Вдруг беззвучно расхохотавшись, он сказал:

– А я сейчас папа на рыбью удочку крысу поймал!

– Ну? – спросил отец, чуть оживившись.

– Ей Богу. И десять штук из монтекриста застрелил. Так рядышком и разложил. Я их окаянных прямо в глаз жа-

рю! Без пуделя.

– Ну? – совсем уже оживившись переспросил отец и добавил: – пойдём посмотрим.

И отец и сын двинулись к амбарам.

– Где же остальные пять, тут только пяток? – спросил отец, трогая носком сапога самую большую крысу с облезлым хвостом.

– Остальных, должно быть, собака растащила, – без запинки ответил Гурочка. И повернул голову туда, где за густыми, бурыми порослями бурьяна извивалась серая лента проезжей дороги. По этой дороге с двумя котомками за плечами шел сейчас книгоноша, в больших мужичьих сапогах и в нанковой куртке. И с этого лица книгоноши на Гурочку внезапно глянуло что-то страшное, сдавившее ему грудь. Между тем книгоноша, услышав вероятно голос Гурочки, быстро повернул было к нему, сойдя с дороги, но тут же, очевидно увидя самого Семибоярского, вновь свернул на дорогу, показав Семибоярским лишь одну спину с двумя котомками. И этот внезапный фортель книгоноши вновь резанул сердце Гурочки, точно укрепляя его в страшных догадках. Гурочка даже простонал. И вдруг, опустившись, сел на землю, свернув по-турецки ноги. Фигура книгоноши скрылась за бурьяном.

– Ты что? – спросил отец сына, обеспокоившись.

– Зубы болят, – простонал Гурочка. И из его глаз выдавились мелкие слезки. У глаз залегли морщинки.

– Сладкого ты много ешь, – сказал отец, – это от сладкого!

А Гурочке казалось, что на их усадьбу идет черная-черная туча такая страшная и гневная, с оглушительным громом и змееподобными молниями. И отец и сын молча глядели друг на друга. Непогодный августовский день хмурился тучами и ворчливо шуршал в бурьяне. Точно рассказывал на каком-то тарабарском наречии невеселые, докучные сказки. Гурочка понуро сидел на земле и моргающими, тусклыми глазами глядел на усадьбу. Двое рабочих растаскивали там полусгнившие стены ненужной, лишней теперь конюшни, запасая на зиму дрова. На линючей давно некрашеной крыше дома дрались воробьи. Стряпуха переругивалась со скотницей зудящим, надоедливым голосом, точно пилила скверной тупой пилою гнилые бревна.

Гурочка сидел, слушал и плакал. Всхлипывая повторял:

– Окаянные... окаянные...

А отец сердито оправлял красивую бороду, тоже о чем-то вспоминал.

Гурочка все скулил.

За вечерним чаем он впрочем несколько оживился. Чай пили за круглым столом втроем: Семибоярский, Гурочка, и Аннушка, ставшая экономкой в доме Семибоярского после того, как его покинула жена, а ранее служившая в горничных.

Аннушка, круглолицая, белотелая и чернобровая пила чай с малиновым вареньем, чмокала губами, обильно потела

и, поглядывая на Семибоярского, вздыхала:

– Ах, до чего эти самые китайские чаи душу распаривают!

Гурочка жадно поедал булки с изюмом. А Семибоярский потягивал чай с ромом и, слоняясь взад и вперед мимо стола, рассказывал:

– Твой дядя Панкрат рос ухарем. В третьем классе гимназии вот он какие крендели откалывал. Наловит, бывало, воробьев и залезет с ними под тротуар, в канаву, да выберет где в досках тротуара щель пошире...

– Ну? – поторопил отца Гурочка.

– Ну, заляжет там и ждет, и вот когда над щелью пройдет какая-нибудь фуфыристая барынька, он ей под платье воробья и пустит. Та, конечно, – ах! ах! – чуть не в истерику. А он ей второго воробья, третьего, четвёртого, до обморока!

Поджимая коленки к квадратному животу и захлебываясь слюнями, Гурочка беззвучно расхохотался! Звонко загоготал и сам Семибоярский. Ослабилась и Аннушка, наливая себе десятую чашку.

– До чего были с фантазией, – умилилась она.

Ободренный успехом, Семибоярский продолжал:

– А то раз был еще такой случай. Надел он на себя на первый день Пасхи красный ситцевый фрак, конечно, заранее приготовленный, зеленые ситцевые брюки, сел на корову верхом и поехал с визитом к губернатору...

– Это когда дядя Панкрат гимназистом был? – справился Гурочка, давась от беззвучного смеха.

– Нет, тут его уже из гимназии вышибли, из нас никто дальше третьего класса не уходил, – захохотал гулко Семибоярский, в том-то и дело, что он числился тогда чиновником особых поручений при том же самом губернаторе! Со всем впадая в истерику Гурочка неистово взвизгнул:

– Вышибли?

– Кого?

– Дядю Панкрата! – опять дико взвизгнул Гурочка, весь трясясь.

– Из чиновников особых поручений? ну конечно же вышибли! – со смехом сказал отец. – Мы рождены не служить а приказывать!

До самого ужина рассказывал Семибоярский о проделках брата Панкрата и о своих собственных ухарских выкрутасах. Пока он не заметил, что смех Гурочки начинает походить на самую настоящую истерику. И тогда он, деловито и озабоченно морща красивое лицо, принялся за водку и свиные котлеты. В перерывах, глотая куски жирной свинины, он всё-таки монотонно ронял:

– Однажды я приехал с визитом к предводителю. На первый день Рождества. И съел за закуской пол окорока ветчины и дюжину крутых яиц. Как-то с Панкратом мы выпили вдвоем на пари четверть ведра водки и двадцать бутылок пива...

– Как-то, однажды, как-то... – монотонно жужжало в уши Гурочки.

II

Гурочка с стеариновым огарком в руках вошел в свою комнату с желтыми обоями, с бурыми неопрятными пятнами от раздавленных клопов. Огарок он воткнул в горло бутылки, поспешно разделся, потер ладонью вздутый четырехугольный живот, лег в постель, опять потер живот и потушил свечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.